

сомольско-молодежных коллективах республики. Они начинаются в цехах или на строительных участках, а затем победителям предоставляется право участвовать в финалах республиканских и всесоюзных смотров-конкурсов.

В ходе социалистического соревнования выработались разнообразные формы распространения и внедрения всего нового, передового, что рождалось в соревнующихся коллективах. Широкое распространение получили школы передового опыта и школы коммунистического труда. Стало хорошей традицией проводить семинары и организовывать школы передового опыта как республиканского, так и всесоюзного значения. Так, в 1975 году в Новополоцке была организована всесоюзная школа «Внедрение бригадного подряда на объектах промышленного строительства», в Гомеле прошел всесоюзный семинар по устройству современной кровли на объектах промышленного строительства. Более ста школ передового опыта ежегодно работает только на Минском тракторном заводе. За годы девятой пятилетки в них прошли обучение свыше 4 тысяч рабочих ведущих профессий.

Важную роль в распространении опыта передовых рабочих играет печать. Так, в 1976 году издано 6 брошюр и 110 статей об опыте новаторов и передовиков производства МТЗ. Передовой опыт пропагандируется в республиканской печати, заводскими многотиражками, белорусским радио и телевидением. На предприятиях созданы комнаты и музеи передовой славы, ведется летопись трудовых дел. От соревнования республик до соревнования отдельных рабочих — таков диапазон этого поистине всемогущего и всеохватывающего социального явления.

¹ См.: Коммунист Белоруссии, 1972, № 15, с. 23.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 280.

³ ГА Минской области, ф. 3341, оп. 1, д. 2259, л. 33.

⁴ Там же, л. 657, л. 44.

⁵ Машеров П. М. XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. — М., 1976, с. 6.

⁶ ГА Минской области, ф. 3777, оп. 1, д. 729, л. 41.

⁷ ПА ШИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 37, д. 68, л. 103; Чырвоная змена, 1975, 17 красавіка.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

⁹ См.: Советская Белоруссия, 1979, 7 января.

¹⁰ ПА ШИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 37, д. 63, л. 4.

В. С. КОСМЫЛЕВ, В. Н. РЯБЦЕВИЧ

«ТИНФЫ» ПЕТРА I

Получение выхода к берегам Балтийского моря стало для русского государства на рубеже XVII—XVIII веков безотлагательной задачей. В 1699 году Россия, Саксония и Дания создали Северный союз, противостоящий Швеции. Начало боевых действий было неудачным для союзников. В 1700 году канитализирует Дания, под Нарвой серьезное поражение от шведов терпит Россия. В этих условиях русское правительство было весьма обеспокоено тем, чтобы Саксония не вышла из союза. В феврале 1701 года произошла встреча Петра I и саксонского курфюрста Фридриха Августа I (короля Речи Посполитой Августа II). Переговоры завершились подтверждением русско-саксонского договора 1699 года. Петр I обязался предоставить Саксонии «помощные войска» и ежегодно выплачивать денежные дотации. За дополнительное вознаграждение Август II как король Речи Посполитой обещал вовлечь Польшу в войну со Швецией. Эта договоренность давала России возможность развернуть военные действия в Прибалтике, используя «занятость» значительной части шведских сил в Речи Посполитой. В 1703 году в союз с Россией вступает Литва (Великое княжество Литовское), а по Нарвскому договору 1704 года и Корона (Королевство Польша).

Союзники обходились русскому правительству дорого в самом прямом смысле этого слова. В соответствии с договором 1701 года следовало передать Августу II в течение трех лет 300 тыс. рублей. Однако лишь в 1703 году ему было выдано 300 тыс. рублей, в 1705 году — 500 тыс. рублей¹. В 1705 году на территорию Речи Посполитой вступили русские

войска, содержание которых также требовало значительных денежных сумм.

Кардинальные изменения русской монетной системы, начатые Петром I в 1698 году, были в это время еще в стадии осуществления. Основной реальной денежной единицей (до 1704 года) оставалась серебряная копейка (вес 0,28 г), крайне неудобная для обращения и расчетов. Для чеканки русских монет в начале XVIII века, как и прежде, в основном использовалось импортное серебро, поступавшее преимущественно в виде западноевропейских талеров.

Союзники России требовали выплаты субсидий в привычных им западноевропейских талерах и дукатах. В феврале 1704 года глава польского приказа Ф. А. Головин сообщал, что «помощные» деньги в виде московской монеты Аршкету (представителю Августа II при Петре I) приготовлены. Однако тот «...не похотел оных принять, предлагая, что он от короля наказ своего имеет... дабы то число денег им векселями или ефимками и червоными (талерами и дукатами — Авт.) заплатить...»² Об этом же факте упоминает и биограф Петра I И. И. Голиков, отмечая, что посланник Августа II Аршкет «...в претензии был еще и за то, что вместо ефимков отпускаемо было рублями, и требовал доплаты, хотя известно, что рубль тогдашний составлял тот же ефимок»³. В документе говорится о том, что выплата производилась рублями, но это маловероятно, ибо их начали чеканить только в 1704 году. Субсидия, вероятнее всего, состояла из серебряных копеек.

В 1707 году польские послы подали русскому правительству «статьи» о том, что русские копейки убыточны для Речи Посполитой, так как иностранные купцы не хотят продавать на них свои товары. В ответ на это представители Петра I потребовали, «...чтоб Русская монета так ходила, как и прежде сего, понеже войску его царского величества жалованье дается не иною монетою, токмо Русскими теми копейки...»⁴

Правительству России, естественно, приходилось учитывать требования Речи Посполитой. В январе 1704 года Ф. А. Головин обратился к русскому посланнику при Августе II со следующим сообщением и рекомендацией: «О деньгах же мы великое затруднение имеем, ибо здесь невозможно никаких иных, кроме Московских получить, которые в Польше не весьма добро ходят... надлежит о способах мыслить, дабы тамо Московские деньги совершенно ходячими сочинить, якож Литовцы и преж сего и Поляки помощные деньги Московскую монетою всегда бирали»⁵. Выполнить эту рекомендацию, однако, не смогли. Оплата векселями также вызывала большие затруднения. В феврале 1705 года Петр I сообщал Августу II: «...понеже нам невозможно есть помощных денег чрез векселя перевести и ефимками дать, того ради немедленно дали указ триста тысяч рублей копейками вам в помощные деньги определить и то число на границе в Смоленску иметь, дабы ваше королевское величество оные... взять повелел, ибо нам иначе невозможно оные переводить». С содержанием этого послания перекидается письмо Ф. А. Головина: «...ни малого векселя не можем сыскать по всей Европе...»⁶

Русское правительство могло бы рассчитывать с союзниками талерами и дукатами, получаемыми с таможенных сборов и внешней торговли. Однако эта монета требовалась для расчетных платежей со странами Западной Европы. Помимо этого талеры являлись основным сырьем для чеканки русских монет, что давало государству значительный доход.

Видимо, в этих условиях русское правительство решает выпускать монету, приемлемую для рынков Речи Посполитой. Возможность подобной эмиссии облегчалась тем обстоятельством, что польско-литовские финансы были в расстройстве, чеканка монеты почти не велась, а в обращении господствовали тынфы и медные солиды 1659—1666 годов. Тынфы 1663—1666 годов были откровенно кредитной монетой: официальный курс равнялся 30 серебряным польским грошам, т. е. одному золотому, но по своей реальной стоимости соответствовал лишь 12 серебряным грошам. Вскоре курс его рыночного обращения сравнялся с курсом орта (1/4 талера), а слово тынф (тинф, тымф, тимф) стало применяться для обозначения обоих номиналов.

Первое, известное нам, упоминание о чеканке «тинфов» и «шестаков» (серебряных польско-литовских монет достоинством 6 грошей) на русских денежных дворах относится к январю 1706 года. Тогда Ф. А. Головин доносил царю: «Тынфы и шестаки, что делать, тебе известны: надобно на передел, хотя б на один, серебра, а потребно менши ста пуд. Откуды

взять? И на другом дворе надобно делать же. Только не запомнить образец прислать новых, чтоб работы не потерять даром и не разбится с их делом»⁷. И. И. Голиков излагает этот документ в несколько иной редакции «...не меньше ста пуд...» (выделено нами — Авт.)⁸. Приведенные факты свидетельствуют о подготовке к чеканке тинфов на двух российских монетных дворах довольно большими эмиссионными тиражами. Из 100 пудов серебра (1638 кг) можно было отчеканить более 500 тыс. тинфов, так как на одну монету требовалось 72 доли (3,2 г) серебра⁹. В июне 1707 года Петр I сообщал из Люблина И. А. Мусину-Пушкину: «Писал ты ко мне в первом письме о тимфах и шестаках: и оныя здесь отведаны, и зело приняли ласково. И ныне велите все их делать, а не копейки...»¹⁰

Документы позволяют говорить и о других аспектах темы, связанной с выпуском тинфов и шестаков в России. В 1707 году И. А. Мусин-Пушкин уведомляет Г. И. Головкина: «А под чьем именем делать, того в письме великого государя ко мне не писано, а я о том в прежнем своем письме прислал указу, но ныне уготовляюцца делать под именем государя нашего... А которые тинфы, зделав, послал я, и те деланы половина под Августовым»¹¹.

Тинфы и шестаки (полутинфы) — монеты с портретом Петра I, российским гербом, русской надписью, но без обозначения номинала, хорошо известны специалистам. В то же время нумизматам не известны тинфы русской чеканки «под Августовым» именем, т. е. «польские» монеты, отчеканенные в России. Имеющиеся материалы проливают некоторый свет на этот необычный эпизод из истории русского монетного дела.

В конце 1705 года Петр I и Август II обсуждали в Гродно ход военных действий и меры по их активизации. Чтобы польские войска не ощущали недостатка в звонкой монете, было решено чеканить новую. Более подробно об этом рассказывает в своем донесении английский посланник Ч. Витворт: «Чтобы помочь беде, за время стоянки армии в Гродно предложено было несколько проектов. Первый предлагал перечеканить копейки в счетную польскую монету, тимфы, которых меняют шесть на доллар (талер — Авт.), хотя в них серебра нет и на полдоллара. Для короля польского действительно выбито было в Кенигсберге 50.000 рублей по этой системе, что по курсу составило 600 тинфов (так в тексте; должно быть — «600.000», что подтверждается параллельным английским текстом — Авт.) или 100.000 долларов, т. е. вдвое против стоимости копеек при размене. Тогда московскому монетному двору дан был приказ заняться то же работой, но остановили ее по настояниям короля, который имел основания опасаться, как бы изобилие фальшивой монеты не обратило на себя внимания и не вызвало против него общего недовольства в крае»¹².

Эти свидетельства позволяют утверждать, что производство тинфов в России осуществлялось на основании соответствующего соглашения между Петром I и Августом II. Возможные возражения Августа II против продолжения чеканки, видимо, не принимались во внимание, так как он согласно условиям Альтранштадского мира (сентябрь 1706 года) лишился польской короны и отказался от союза с Россией.

Попутно можно отметить, что вынашивалась также идея о выпуске другой иноземной монеты в России одновременно с эмиссией петровских тинфов и шестаков. В ноябре 1710 года начальник посольского приказа Г. И. Головкин сообщал русскому послу в Дании В. А. Долгорукову: «О субсидиях не мог царское величество иного способу изобрести, кроме того что обещать чрез вас королю дацкому наличных денег русской монеты двести тысяч рублей на Москве или в ином месте, где принять похочет. И те деньги они сами или чрез вексель переводили, или б на оные купцам своим велели каких материалов купить, или буде похотят, велели б прислать кого к Москве и велеть переделать оные деньги в свою дацкую монету, которое царское величество велит переделать на своих денежных заводах»¹³. Однако эта идея, насколько нам известно, осталась неосуществленной.

¹ См.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Приложения. — СПб., 1863, т. 4, ч. II, с. 17, 386.

² Письма и бумаги имп. Петра Великого. — СПб., 1893, т. 3, с. 588.

³ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. — М., 1837, т. 2, с. 476.

⁴ Письма и бумаги... 1907, т. 5, с. 493, 501.

⁵ Там же, 1893, т. 3, с. 559.

⁶ Там же, с. 271; 548.

⁷ Там же, 1900, т. 4, вып. 1, с. 22.

⁸ Голяков И. И. Указ. соч., т. 3, с. 129.

⁹ См.: Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.— Бумаги М. Г. Деммени. Копия сказки пробовальных мастеров Ивана Лана и Дитриха Левкена о пробе деланных в 1707 году ими тиффов.

¹⁰ Письма и бумаги..., 1907, т. 5, с. 319.

¹¹ Там же, с. 730.

¹² Сборник императорского русского исторического общества.— СПб., 1884, т. 39, с. 361.

¹³ Письма и бумаги...— М., 1956, т. 10, с. 742.

А. М. ЛЮТЫЙ

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК БЕЛУРУССИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (конец XVIII—30-е годы XIX века)

В период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений во всех странах происходил рост торгово-промышленного населения, сосредоточенного главным образом в городах и местечках. В. И. Ленин отмечал: «...Нельзя себе представить капитализма без увеличения торгово-промышленного населения за счет земледельческого, и всякий знает, что это явление самым рельефным образом обнаруживается во всех капиталистических странах»¹. Такой же процесс довольно активно проходил и в Белоруссии в конце XVIII—первой трети XIX века.

При исследовании вопроса об изменении численности городского населения мы использовали статистические данные «Переписей населения России»², а также административно-полицейских отчетов, хранящихся в архивах Ленинграда, Вильнюса, Минска и Гродно. Источники достаточно верно (за исключением сведений по отдельным городам) отражают рост численности городского населения в белорусских губерниях в конце XVIII—первой трети XIX века (в границах современной территории БССР). С 1782 по 1840 год население 42 городов Белоруссии увеличилось с 82 до 222 тыс. человек, т. е. на 170%. Следовательно, темпы роста численности городского населения в рассматриваемый период были довольно высокими, особенно в сравнении с ростом всего населения Белоруссии, общая численность которого за это же время возросла всего на 26%³.

Если принять численность городского населения белорусских губерний в 1782 году за 100%, то в 1795 году она составляла 115, в 1803—119, в 1811—151, в 1815—119, в 1825—185, в 1835—190 и в 1840 году—271%, т. е. за весь период численность городских жителей увеличилась более чем в 2,7 раза. Как видно, рост численности городского населения Белоруссии происходил на протяжении всего изучаемого периода (за исключением нескольких лет после войны 1812 года). Невысокие темпы роста наблюдаются в период с 1795 по 1803 год: прирост городского населения составил только 4%. С 1803 по 1811 год городское население в белорусских губерниях выросло уже на 32%.

Проводя перепись населения после 1812 года, царские чиновники в число убывших вносили умерших, погибших, взятых в рекруты, «забранных неприятелем и бежавших неизвестно куда»⁴. Большая убыль населения произошла также вследствие эпидемий холеры и других заболеваний. Поэтому за период с 1811 по 1816 год численность горожан падает: на 43% сократилась, например, численность городского населения Витебской губернии (если в 1811 году она составляла 30.554, то в 1813—17.400 человек). Особенно резко сократилась численность населения Витебска, Полоцка, Городка, Дриссы, Лепеля, Суража. В целом, по всем губерниям Белоруссии численность городского населения за 4 года (с 1811 по 1815) сократилась на 32%.

К началу 20-х годов XIX века число городских жителей белорусских губерний достигло довоенного уровня, а к 1825 году возросло по сравнению с 1811 на 34%. В период с 1825 по 1833 год прирост городского населения составил только 5%, а в 15-ти из 42-х белорусских городов численность населения даже уменьшилась. Это сокращение городского населения было обусловлено общим уменьшением численности населения